

Низовой Павел Георгиевич

В горах Алтая

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-3
ББК 84-4
П12

П12 **Павел Георгиевич Н.**
В горах Алтая / Низовой Павел Георгиевич – М.: Книга по Требованию, 2024. –
152 с.

ISBN 978-5-519-99599-3

ISBN 978-5-519-99599-3

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2024

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2024

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первозданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

ращал внимания. На пути стоял товарный состав. Из - под вагонов и с тендера стреляли пачками в окна рабочего клуба, где помещался комитет. Оттуда тоже отвечали редкими выстрелами. Из - за угла депо выскочил маленький, худенький человек в синей засаленной блузе, и быстро побежал к вагонам. Санька узнал его: модельщик Иван Рыпля. Не добежав несколько шагов, он на секунду остановился, качнулся, словно его ударили, и беспомощно, плетью опустил левую руку. Но сейчас же оправился, снова метнулся вперед и правой здоровой рукой что-то кинул под вагоны. Грохот, дым, огонь, взлетевшие обломки. И сам Рыпля исчез в них бесследно.

В следующую минуту Саньку кто - то ударил, дернул сильно кверху и быстро поволок. Человека ему не было видно, только мелькали ноги лошади, потом и они пропали, все окуталось туманом; он потерял сознание.

Очнулся в полутемном чулане. В голове гудело, отзывалось тупой болью в боку. Рядом лежало несколько человек, избитых, окровавленных, тихо стонали, один бредил. Над головой в небольшое окошечко проходил рассеянный свет. Санька, осиливая боль

в боку, нащупал под ногами какой-то предмет, приподнялся, взглянул. Пустые сени и рядом лестница на чердак. Попробовал просунуть голову — пролезла, но плечи не проходят. Сзади знакомый голос глухо прошептал:

— Подожди, я сейчас сделаю.

Санька вздрогнул,

— Кто это? — нагнулся и сразу узнал. В углу чулана стоял товарищ его отца, работавший с ним вместе в депо, токарь Петров. — И ты здесь? — обрадовался Санька.

Но Петров молча отстранил его, взялся за тонкие доски и осторожно потянул. Доска подалась, слегка скрипнув. Он еще потянул. Окно расширилось.

— Лезь! — сказал Петров, не опуская доску, чтобы не защемила.

Мальчик просунул голову, плечи, ухватился за верхушку, понатужился и вытянул из окна ноги. Стал прислушиваться. Через стену глухо доносились спокойные голоса. Пощупал запор и затрясся от радости: замка на дверях чулана не было, только замотано проволокой.

Через минуту и Петров был на свободе. Хотели выпустить и остальных, но они лежали беспомощные, почти недвижные.

— Жалко, а ничего не поделаешь. Видно, уж не жильцы на белом свете, — сказал грустно Петров, осматривая товарищей.

Опять закрутили проволоку, чтобы скрыть следы побега, и поднялись на чердак, оттуда через окно спрыгнули в сад...

Вечером Санька пробрался домой. Мать лежала на лавке умирающая. Вчера пошла она его разыскивать и попала под шальную пулю. Целых полдня ползла до своей квартиры, истекая кровью, — некому было подобрать.

Увидав сына, она радостно улыбнулась, нежно, нежно, без слов погладила его слабой, обескровленной рукой и тихо закрыла глаза.

Санька прислушался. Мать не дышала.

— Мама! Мама!

Она была мертва, а на лице ее еще светилась счастливая материнская улыбка.

Через два дня Санька увидел и отца. Лежал он за водокачкой вместе с другими расстрелянными рабочими, лицо было окровавленное, почерневшее. Над трупами носились стаи зеленых мух:

Отряд железнодорожных рабочих под командой Петрова сильно беспокоил новую

власть. То и дело происходили крушения воинских поездов, пожары складов, налеты на отдельные части. Войска белых на линии были усилены. Появилась артиллерия, бронированный поезд. С утра до вечера ухали пушки, разнося рабочую слободку, дым пожара задернул все небо. Санька в последний раз побежал в город к укrywшимся там комитетчикам. Сообщение от Петрова было короткое:

„Отряд разбит, держаться больше не можем. Уходим в горы“.

А когда он вернулся, то не оказалось и отряда. В заброшенной лесной сторожке, где они последнее время скрывались, было только пятеро. Двое из них лежали ранеными.

Узнав, что делается в городе, Петров сказал:

— Сегодня ночью нужно обязательно уйти отсюда, а то накроют, не выберемся. Товарища Степана понесем на носилках, а Матвеев как-нибудь сам на костыле потащится.

Никто не возражал. Стали готовиться. Хотели выступить вечером, чтобы некоторые опасные места пройти незамеченными. Но

в полдень в лесу, совсем близко, неожиданно щелкнул выстрел, вслед за ним еще два. В сторожку вбежал стоявший на посту возле опушки стрелочник Захаров и выкрикнул не своим голосом:

— Скорей уходите! Окружают! С пулеметами!

Кинулись вон, держа на-изготовку ружья. Лес молчал, но казалось, что за каждым деревом притаился враг и следит жадными глазами за всяким движением своих жертв.

Первая пуля невидимого стрелка уложила костылявшего на костыле Матвеева. Он слегка вскрикнул и растянулся на полянке, ткнувшись лицом в землю. Остальные рассыпались в разные стороны. Лес затрещал короткими приглушенными звуками выстрелов...

II. ПОД ЗАЩИТУ ГОР

Санька плохо представляет себе, сколько времени прошло с тех пор, долго ли он лежал в колючем кустарнике, прежде чем случайно натолкнулся на него Петров. Может быть, эта страшная ночь была месяц

назад, а может быть, — всего лишь три-четыре дня. Помнится только, что они шли по бездорожью, стараясь не встречаться с людьми. Часами лежали в канавах, когда замечали впереди идущих. Шли молча, торопливо, в ту сторону откуда поднимается солнце.

Вчера была последняя тревожная ночь. Шли они без отдыха по каменистым пустырям, по оврагам, по глухому чернолесью. Расположившись на ночлег, впервые разожгли костер.

Проснулись, когда солнце было почти над головой. Совсем рядом и справа, и слева, упирались в небо торы. Были они высокие, мощные, с мягкой зеленью леса на склонах. Та, что находилась прямо, в конце ровной речной долины, была задернута синеватым слоем воздуха, острый гребень ее таял в белых облаках.

Пенилась с глухим урчаньем река.

Петров по дороге говорил, что лишь бы добраться до гор, там они будут в безопасности. И вот теперь они в горах. Но Санька не столько умом понял, сколько почувствовал, что опасность миновала. Все его существо наполнилось радостью. Он вскочил,

сдернул рубашку со штанами и — бултых в воду. Весело закричал оттуда:

— Петров! Петров! Лезь сюда! Эх, ты, как хорошо-то! — он прыгал в воде, взмахивал руками, пытался было поплыть, но его сейчас же снесло к камням, вокруг которых кипело и клокотало. Выскочил на берег. — У-у! Замерз! Ледяная! — и понесся вдоль берега голышом, только белела спина, да сверкали ноги.

Петров прилаживал над костром на колышки чайник, подложил хвороста. Санька бежал обратно, приплясывая по мягкой зелени луга. Подбежал, шлепнулся вниз животом, вытянул ноги и задрогал ногами.

— Умира-аю! — закричал он на всю долину.

— Ты что? — повернулся к нему испуганно Петров.

— Это я от радости. Уж очень хорошо.

Еще вчера обоим чудилось, что позади ухают вражеские пушки, со сторон смотрят стальные глаза ружей и пулеметов, слышатся стоны гибнущих товарищей, а сегодня вокруг — благостная тишина долины, спокойное величие гор. И нестрашно: не догонят, не

найдут. Только временами острая боль за тех, оставшихся. Может быть, и в живых никого из них уже не осталось. Если б перекинуться хоть одним словом или криком: „Живы мол! Верим и надеемся!“. Но вокруг—суровые горы, молчаливая, вечная тайга.

Саньке сегодня снилось, что за ним гонятся два белых офицера верхами, никак не могут догнать. Вот один накинул на него веревочную петлю и захватил поперек туловища, подтянул к себе, злобно кричит: „Не уйдешь теперь, мерзавец! Голову снесу!“. А другой говорит: „Ему надо похуже смерть придумать. Не смотри, что он мальчишка, он самый заядлый большевик. Он в наши части пробирался и шпионил. Он часового у нас „снял“, к арестованным большевикам письма от своих приносил. Его надо разрезать на куски, зарядить ими пушку и выстрелить!“.

Теперь Саньке весело рассказывать Петрову свой страшный сон,—уж очень радостно, что он на свободе, ничего не боится и лежит на мягкой траве „в чем мать родила“, а рубашку выполоскал и развесил на сучках. Петров возится с чаем.

Хорошо выпить горяченького и погрызть корочку хлеба!

— Теперь торопиться нам некуда, — говорит Петров. — Пойдем полегоньку влево. Тут у меня приятель один живет на заимке, он укажет, куда податься.

— А не схватят нас там? — спросил робко Санька.

— Ну, свой человек, укроет. Он и хлеба нам даст. Во всем поможет. Несколько дней назад, Петров был с бородой, казался серьезным и важным, а теперь, когда обрился, стал совсем молодым, и тонкие губы его то и дело вытягивались в улыбку. — Ничего, брат, не трусь! — похлопал Саньку по плечу. — Заберемся куда-нибудь в ущелье и проживем, как медведи. Славно!

— Вот жалко, товарищей растеряли. Компанией лучше бы! — сказал серьезно Санька.

— А мы на заимке у Ипата адрес оставим. Он всех наших будет к нам направлять. Эта история долго не протянется. Скоро опять в город. — Петров достал из сумки хлеб и отломил по куску — себе и Саньке. — На, заправляйся, да и в дорогу.

Опять шли. Извивалась река, местами ударялась в каменные отвесы и в пышной пене с шумом отбрасывалась, иногда белыми валами поспешно прыгала по камням, посылая в ущелья торопливый, волнующий крик. Радуюсь теплу и солнцу, в воздухе ныряли копчики, планировали ястреба, неожиданно крикнула кукушка — совсем рядом, — и передразнило ее с мальчишеским задором горное эхо.

Шли по мягкому наносу долины, по отшлифованным водой валунам, огибали отвесные скалы, подымались на кручи. День весел, приветливы горы, ласкали взгляд синева неба и зелень леса. И было легко, радостно идти, чувствуя стальную упругость мускулов.

В пятидворной деревнюшке, у крайней избы крестьянин чинил телегу. Борода черная, большая, волосы в кружок.

— Киржак (старообрядец)...— решил вслух Петров.— Не выпросишь.

Оба прислонились к изгороди, смотрели на мужика, на вздыбленную передком телегу, вели речь. А киржак неторопливо колот глазами, прощупывая у того и у другого